

Современная лингвоэкспертная практика в сфере речевых правонарушений: актуальность и проблемы

Ф. Т. Ахунзянова ТТ.

Костромской государственный университет,
Российская Федерация, 156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17

Для цитирования: Ахунзянова, Фаида Т. 2023. «Современная лингвоэкспертная практика в сфере речевых правонарушений: актуальность и проблемы». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 254–265. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.116>

В статье поднимается проблема неопределенности правовых норм, связанных с речевыми правонарушениями, прослеживаемая, в частности, в ст. 5.61 «Оскорбление» Кодекса РФ об административных правонарушениях применительно к понятиям обобщенной негативной оценки и неприличной формы выражения. Автор считает, что принятие новой формулировки фабулы данной статьи не устранило имеющуюся неопределенность. Напротив, новые, еще более неопределенные элементы обусловили опасность произвольного расширительного толкования указанной правовой нормы и настолько же произвольных судебных решений по делам об оскорблении. При таких условиях особое значение приобретает лингвистическая экспертиза как важный способ установления существенных признаков оскорбления. Однако, несмотря на то что применительно к правовой сфере можно вполне уверенно говорить об уже сложившемся институте лингвистической экспертизы, в рамках дел, связанных с оскорблением личности, эксперты-лингвисты продолжают сталкиваться с рядом проблем. Сложности связаны с оценкой того или иного слова как подпадающего под диспозицию оскорбления, с определением приличности/неприличности языковой формы выражения, с невозможностью кодифицировать нормы морали и нравственности, с применением экспертами различных лингвистических подходов, в результате чего многие вопросы остаются дискуссионными. В статье приводятся примеры таких ситуаций. По мнению автора, законодатель должен четко определить понятийное содержание всех составляющих объективной стороны правонарушений, связанных с оскорблением личности, в то же время профессиональные эксперты-лингвисты должны выработать единое понимание указанных проблем и общую стратегию их решения.

Ключевые слова: речевые правонарушения, лингвистическая экспертиза, оскорбление, оценка личности, неприличная форма выражения оценки личности, ненормативная лексика, иная форма выражения оценки личности.

1. Введение

Неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению конституционного

принципа равенства, реализация которого не может быть обеспечена без единого понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями. На это неоднократно указывал Конституционный Суд РФ¹. Кроме того, на неопределенность как основание для признания нормативных актов недействующими указывается и в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48. Тем не менее многие правовые источники по-прежнему имеют размытые, нуждающиеся в конкретизации и комментариях формулировки. В качестве примера мы остановимся на правовых нормах, касающихся речевых правонарушений, отраженных, в частности, в ст. 5.61 «Оскорбление» Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Юридическая конструкция состава правонарушения представляется довольно неопределенной. Принятие новой формулировки фабулы статьи не только не устранило эту неопределенность, но и обусловило опасность произвольного расширительного толкования данной правовой нормы и настолько же произвольных судебных решений по делам об оскорблении. Поэтому анализ имеющихся и потенциальных проблем, с которыми сталкивается эксперт-лингвист при производстве лингвистической экспертизы по делам, связанным с оскорблением личности, приобретает особое значение.

Цель статьи состоит в том, чтобы сформировать представление о существующих на данный момент и о потенциальных проблемах лингвистической экспертизы по делам об оскорблении и предложить их возможные решения.

2. Основное исследование

В современной судебной экспертологии насчитывается более 20 классов экспертиз, а в них — десятки различных родов и видов. Это количество постоянно увеличивается за счет регулярного появления новых родов и видов экспертиз. Например, в 2003 г. в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ выполнялись экспертизы по 22 родам, а в текущем году их число увеличилось до 31. Среди них под номером 12 в качестве вполне утвердившегося рода фигурирует лингвистическая экспертиза².

Лингвистическая экспертиза имеет относительно недолгую историю развития. Так, согласно сведениям, представленным на официальном сайте Центра экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики, словосочетание «судебная лингвистика» появилось в 1968 г., когда специальные знания шведского лингвиста Яна Свартвика впервые были использованы при исследовании показаний обвиняемого³. В России судебная лингвистика начала формироваться в 1990-х годах и за несколько лет приобрела устоявшийся облик с достаточно четко выра-

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П, от 11.11.2003 № 16-П и др. Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 22 июля, 2021. <http://www.consultant.ru>.

² Приложение № 2 к Приказу МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ», зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 № 6931. Дата обращения 15 сентября, 2022. https://ceur.ru/library/articles/sudebnaja_jekspertiza/item132657/#perechen.

³ «Судебная лингвистика: когда появилась и как развивалась (ч. 1)». *Центр экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики*. Дата обращения 4 июля, 2021. https://ceur.ru/library/articles/lingvisticheskaja_jekspertiza/item351234.

ботанными задачами, методами, предметами и объектами экспертных исследований. Большой вклад в этот процесс внесли как отдельные ученые (А. Н. Баранов, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, М. А. Осадчий, К. И. Бринев, М. В. Аблин, Ю. А. Бельчиков, Г. В. Кусов, И. А. Стернин, В. Ю. Меликян, Е. И. Галяшина, Е. С. Кара-Мурза, Т. В. Чернышова, Г. С. Иваненко и др.), создавшие теоретические основы судебного речеведения, так и целые организации, например Международная ассоциация судебных лингвистов⁴, Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)⁵, Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (СИБАЛЭКС)⁶, Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России⁷. Подчеркнем также значимость Института судебных экспертиз МГЮА⁸, в числе направлений деятельности которого подготовка и обучение профессиональных экспертов-речеведов.

Таким образом, лингвистическая экспертиза сегодня является не просто эпизодическим фактом, но процессуально и методически обоснованным экспертным исследованием речевых продуктов. Порядок ее назначения, типовые вопросы, применяемые виды анализа, — все это разработано, систематизировано и успешно применяется в практике досудебных и судебных разбирательств по гражданским и уголовным делам (Баранов 2007; Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010; Галяшина 2020; Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016; Горбаневский 2006; Стернин и др. 2013b). Вместе с тем до сих пор не решены многие давние проблемы, связанные прежде всего с подходом экспертов-лингвистов к семантике произведений речи, а также проблемы, появляющиеся ввиду возникновения новых объектов для исследований и, как следствие, отчетливой тенденции к интеграции гуманитарного знания. Представим данную проблематику на примере ст. 5.61 «Оскорбление» КоАП РФ, которая в декабре 2020 г. приобрела обновленную фабулу.

По инициативе члена Совета Федерации А. А. Турчака и депутата Государственной Думы А. Е. Хинштейна 12.05.2020 на рассмотрение был внесен законопроект «О внесении изменений в КоАП РФ (в части уточнения административной ответственности за оскорбление и клевету)»⁹. Закон был подписан президентом РФ 30.12.2020 и опубликован в официальных СМИ. Согласно этому закону ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ был сформулирован следующим образом: «Оскорбление, то есть *унижение чести и достоинства* другого лица, выраженное в *неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности* форме (курсив мой. — Ф. А.), — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 3 тыс. до 5 тыс. руб.; на должностных лиц — от 30 тыс. до 50 тыс. руб.; на юридических лиц — от 100 тыс. до 200 тыс. руб.».

⁴ International Association of Forensic Linguists — IAFL. Дата обращения 15 сентября, 2022. www.iafl.org.

⁵ Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. Дата обращения 15 сентября, 2022. <https://rusexpert.ru>.

⁶ Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. Дата обращения 15 сентября, 2022. <https://siberia-expert.ucoz.ru>.

⁷ Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России. Дата обращения 15 сентября, 2022. <http://www.ling-expert.ru>.

⁸ Институт судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Дата обращения 15 сентября, 2022. <https://isemgua.ru>.

⁹ Законопроект № 954048-7 «О внесении изменений в КоАП РФ» (в части уточнения административной ответственности за оскорбление и клевету). Система обеспечения законодательной деятельности. Дата обращения 24 июля, 2021. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/954048-7>.

Основной формой выражения оскорбления является речевой акт прямого действия, направленный на унижение чести и достоинства другого человека. В судебной практике возникают трудности, связанные с оценкой того или иного слова как подпадающего под диспозицию оскорбления, в связи с чем судьи назначают судебные лингвистические экспертизы в рамках дел по данной статье. Формулировка вопросов, на которые, как правило, отвечает эксперт-лингвист, сегодня практически перестала быть предметом дискуссий: экспертные задачи связаны в основном с анализом спорного речевого продукта в целях выявления в нем лингвистических признаков унижения чести и достоинства конкретного лица, а также с оценкой приличности/неприличности языковой формы выражения этого продукта. Однако дискуссионными остаются подходы экспертов-лингвистов к решению этих задач.

2.1. Унижение чести и достоинства

В настоящее время в Российской Федерации на законодательном уровне не закреплены понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация», в связи с этим необходимо раскрыть их сущность, чтобы дать точную формулировку этих понятий.

В большинстве отечественных научных работ честь рассматривается как оценка личности со стороны общества, а также как мера социальных и духовных качеств личности; под достоинством понимается осознание человеком и его окружением того факта, что он обладает определенными интеллектуальными и положительными нравственными качествами. С точки зрения нравственности категории чести и достоинства очень близки, отличаясь степенью субъективности при их оценке: если имеется в виду объективная оценка человека, то речь идет о чести, а если субъективная — о достоинстве. Выражение оценки распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, модальных, в значении которых можно выделить элементы «хороший/плохой» или их конкретные разновидности («добрый/злой» и др.). При наличии положительной оценки (элемент «хороший» и его конкретные разновидности) может идти речь о позитивной информации. При наличии отрицательной оценки (элемент «плохой» и его конкретные разновидности) можно говорить о негативной информации.

По нашему мнению, наиболее адекватна изложенная в работе И. А. Стернина методика, согласно которой признаками, квалифицирующими факт унижения (умаления) чести и достоинства, являются сообщение негативных сведений о лице и отнесенность негативных сведений к конкретному лицу (Стернин и др. 2013а, 3–5). Таким образом, первый шаг, который делает лингвист-эксперт, — это выявление в речевом продукте негативной информации о конкретном лице.

Негативный смысл вербализуемых слов, создающий отрицательную оценку личности, чаще всего порождается соответствующим компонентом значения языковой единицы и определяется экспертом, как правило, с помощью словарей русского языка, в которых приняты специальные пометы (бран., презр., груб., ирон., неодобр. и др.). Однако здесь возникают сложности, одна из которых заключается в разграничении общественной и личной субъективной оценок, на что совершенно справедливо указывают некоторые лингвисты (Стернин и др. 2013а, 4; Ярошук,

Жукова, Долженко 2020, 34–35). При оценке с общественных позиций человеку приписываются осуждаемые общественной моралью и противоречащие закону действия, характеристики, качества (воровство, мошенничество, стремление жить за счет других, распутство и т. д.). Используемые при этом слова обычно реализуются в своих прямых значениях и несут конкретную информацию о нарушении тех или иных моральных или правовых норм. Личная субъективная оценка — это выражение эмоционального отношения адресанта к адресату, основанного на личной неприязни. В таком случае обычно используется бранная лексика с обобщенным значением либо переносные, непрямые значения слов, иначе говоря, человек просто ругается. Если при этом не выявляются признаки неприличной языковой формы, то подобное словоупотребление не подлежит правовой квалификации.

Нам пришлось столкнуться с данной сложностью в практике экспертной деятельности. Для исследования были предложены фразы, включающие в себя следующие высказывания о женщине-адресате: *«лжемать»*, *«как последняя потаскуха»*. Контекстное окружение высказываний не содержало никаких языковых или иных маркеров, которые указывали бы на прямое, основное лексическое значение данных слов, т. е. на приписывание женщине осуждаемых общественной моралью действий и/или образа жизни. Эксперт отметил, что посредством данных форм характеризовались отдельные проявления образа жизни адресата, ее действия в конкретной ситуации через языковое сопоставление с определенным образом, что является эмоционально-выразительным приемом речи. В рассматриваемом случае слова *«лжемать»* и *«потаскуха»* не давали обобщенную информацию о принадлежности называемого ими лица к какому-либо морально или с точки зрения закона осуждаемому типу (классу) людей, а просто сообщали об эмоциональной неприязни адресанта к номинируемому ими лицу, имели бранный характер. Это личная субъективная оценка, где все слова объединяются смысловыми компонентами, которые могут примерно быть переданы как *‘женщина, которую я ненавижу, презираю’*, говорящий выражал свои негативные эмоции. В итоге на основании заключения эксперта суд принял решение о том, что подобные оценки не являются общественными, они неуместны с точки зрения речевого этикета, культуры речи, подлежат моральному осуждению, но ущерба престижу личности эти слова не наносят и не подлежат правовому регулированию.

Следовательно, негативной информацией о лице будут только такие слова и выражения, которые приписывают адресату осуждаемые общественной моралью и противоречащие закону действия, а также отрицательные характеристики и качества. Эксперт обязан руководствоваться не только лексическими значениями слов и словарными пометами, но и контекстом высказывания, указывающим на истинные коммуникативные цели говорящего.

2.2. Неприличная форма выражения

В правовой литературе существует множество определений понятия неприличной формы выражения, и хотя в большинстве из них в качестве основного признака неприличности выдвигается наличие нецензурных выражений, именно в этом, на наш взгляд, кроется большая сложность.

С одной стороны, существует относительно четкий критерий, отделяющий матизмы от прочих бранных и вульгарных слов и автоматически, без словарей, возводящий их в статус крайне негативной лексики. Список таких матизмов предложен И. А. Стерниным: «нецензурные обозначения мужского и женского половых органов (две единицы — на п... и на м...), нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения на б..., а также все образованные от этих слов языковые единицы, т. е. содержащие в своем составе данные корни» (Стернин и др. 2013а, 16). С другой стороны, руководствуясь этим списком, некоторые эксперты определяют в качестве оскорбления любое употребление нецензурного слова, что нам представляется не совсем корректным. Возьмем, в частности, распространенный в конфликтных высказываниях инвективный посыл «иди (пошел) на х**», вокруг которого сегодня образовалась настоящая дискуссия.

Так, в 2015 г. большой резонанс вызвал конфликт между С. Н. Петручиком, инспектором ГАИ из г. Бреста, и водителем, приехавшим в город на ярмарку. Случай стал известен потому, что в ходе задержания водителя инспектор сказал тому «иди на х**». Ольга Фелькина, декан филологического факультета Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, провела экспертное лингвистическое исследование высказывания, указав в заключении, что данный посыл не может быть признан оскорблением, поскольку унижением личности может быть только ее оценка, а здесь речь идет о выражении эмоций, оценке поведения человека¹⁰. Общественность остро отреагировала на данное заключение. В сети кипели дискуссии, появилось много мемов, выступили и другие лингвисты.

Например, эксперт-лингвист А. Акинина опубликовала на своем персональном сайте и на сайте «Правдоруб» статью по поводу данного выражения, где, опираясь на словари Д. И. Квеселевича, А. Плущер-Сарно, В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, совершенно справедливо указала на негативный смысл этого фразеологизма и отметила, что для понимания ситуации «нужен конкретный контекст». Однако затем, руководствуясь одним из 15 (!) значений фразеологизма, приведенных А. Плущер-Сарно, а также рассуждениями Ю. И. Левина, А. Акинина пришла к неожиданному выводу о том, что «выражение “Иди на х...!” содержит в себе резко негативную оценку адресата. Эта оценка выражена в неприличной (матерной) форме. Так что в широком смысле фразу в абсолютном большинстве случаев можно рассматривать как оскорбительную» (Акинина 2020а; Акинина 2020b).

К сожалению, статья данного лингвиста, а точнее ее вывод, были восприняты некоторыми правоприменителями, прокурорами и адвокатами как безапелляционное руководство к действию, ввиду чего эксперты до сих пор бывают вынуждены вести с ними полемику, отстаивая примат объективности. Так, для очередной экспертизы автору настоящей статьи были представлены два высказывания: «с*ка»; «пошел на х**». Согласно протоколу судебного заседания, в Макарьевском районном суде (г. Макарьев Костромской области) данные высказывания были озвучены в контексте целостного выражения одним и тем же лицом — подсудимым Б. Анализ контекста высказываний показал, что слово «с*ка» было озвучено в завершение фразы «Я докажу, что я не совершал этого преступления... с*ка». Посредством

¹⁰ «Эксперт объясняет почему “Иди на х**” не является оскорблением». *Виртуальный Брест*. 2016. Дата обращения 24 июля, 2021. <https://virtualbrest.ru/news37787.php>.

лексико-семантического метода эксперт установил, что оно не выполняло номинативной функции (не было обращением), не означало обобщенной характеристики какого бы то ни было лица и не относилось к какому бы то ни было лицу, имея междометный характер. Следовательно, в обозначенной коммуникативной ситуации данное слово выполняло функцию маркера определенного эмоционального состояния говорящего. Эксперт также отметил, что выражение «пошел на х**», безусловно, имеет негативный смысл, но было использовано в следующих значениях: указание говорящего на неуместность просьб, требований, предложений или претензий кого-либо; выражение говорящим сильного желания прервать любое взаимодействие или связь с кем-либо, чем-либо.

Оба значения не подразумевают содержания негативной информации о ком-либо, т. е. данное высказывание также выполняло функцию маркера определенного эмоционального состояния говорящего, номинативная его функция была сведена к минимуму, выражение не содержало оскорбительных характеристик личности адресата. В итоге эксперт пришел к выводу о том, что, безусловно, высказывания «с*ка» и «пошел на х**» нарушают коммуникативные нормы общения, так как носят эмоционально окрашенный и отчасти провокативный характер, ориентированный на понижение ситуативного статуса оппонента (что является неотъемлемой функцией употребления матерной брани), но никак не характеризуют адресата речи, не дают ему обобщенных негативных оценок. В этом случае, согласно методике И. А. Стернина, лингвистических признаков речевого акта оскорбления не прослеживается: «Не подлежит правовому регулированию по ст. 5.61 КоАП РФ и употребление в адрес лица нецензурной лексики, если она используется для выражения личной неприязни, неодобрительной эмоции, либо в междометной функции, так как в данном случае она не характеризует адресата как лицо, нарушающее какие-либо моральные нормы или законы (типа Пошел на х..., Опять, ты, б..., опоздал!), хотя в этом случае использовавший нецензурные выражения, может быть подвергнут штрафу за мелкое хулиганство (ст. 20.1 Гражданского кодекса РФ), если эти выражения прозвучали публично» (Стернин и др. 2013а, 34).

Добавим, что подобные ситуации могут развиваться по тупиковому направлению, если правоприменители предварительно не консультируются с экспертами. Так, в 2021 г. в Костромской области было возбуждено дело по специальному составу статьи «Оскорбление», который, в отличие от основного состава, остался в Уголовном кодексе РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ в виде ст. 319 «Оскорбление представителя власти». Заключение, пребывающий в местах лишения свободы, в ходе перебранки с сотрудником исправительной колонии заявил последнему: «Ты зае**л», — что, согласно словарям, обозначает «утомить, надоесть, замучить» (Ильясов 1994). Никаких иных нецензурных слов или слов, обозначающих отрицательную оценку сотрудника, при этом не звучало. На основании наличия нецензурной лексики следователь поторопился возбудить уголовное дело, однако специалист, к которому он позднее обратился за комментарием, опроверг наличие признаков оскорбления, указав, что, несмотря на неприличную форму выражения, данное слово, как и в вышеуказанном случае, не содержит общественной оценки личности, обозначая личное неприятие заключенным происходящих с ним событий. В ходе судебного разбирательства специалист подтвердил свои показания, однако прокуратура с ними не согласилась и инициировала привлечение другого специалиста, но и он согла-

сился с первым. Тогда суд привлек к лингвистической экспертизе третье лицо — доктора филологических наук, имеющего более чем значительный стаж экспертной деятельности. Выводы эксперта оказались тождественными первым двум (в скобках отметим, что судебное разбирательство продолжается до сих пор).

Таким образом, считаем необходимым уточнить формулировку понятия «неприличная форма». Лингвист может выявить только языковые признаки неприличной формы, т.е. наличие непристойных (нецензурных) слов и выражений, в перечне которых мы склонны согласиться с И. А. Стерниным, поскольку иные классификации имеют более широкий характер и оставляют, на наш взгляд, определение границ неприличности на откуп эксперту. При этом данные слова и выражения могут рассматриваться как оскорбительные только в том случае, если они не просто понижают статус адресата (что происходит автоматически при употреблении матерной брани), но означают обобщенную отрицательную оценку личности, в противном случае следует говорить только о нарушении общественного порядка, регулируемом иными нормами закона. Кроме того, как и в случае выявления негативной информации о лице, нужно учитывать весь контекст высказывания, в том числе саму конфликтную ситуацию.

2.3. Иная противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности форма

Возвращаясь к измененной фабуле статьи КоАП РФ «Оскорбление», остановимся на новелле «иная противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности форма». Если с неприличной формой выражения возникают проблемы, то данная фраза вообще поставит многих экспертов-лингвистов в тупик. Законодатели не уточнили ни того, что следует понимать под противоречием общепринятым нормам морали и нравственности, ни того, что может быть этой «иной» формой. Здесь имеются следующие соображения.

Во-первых, нормы морали и нравственности — понятия из области этики — сами по себе являются антагонистическими. Нормы морали человек определяет для себя сам, тогда как нормы нравственности диктуются социумом. Очень часто нравственный образ жизни человека не коррелирует с моральными ценностями (вспомним знаменитое стихотворение Н. А. Некрасова «Нравственный человек»¹¹), и наоборот, моральная целостность может потребовать нарушения нравственных установок. Очевидно, что здесь должен быть четкий ответ от научного сообщества и общественности, что именно следует понимать сегодня под нормами того и другого; такого ответа пока нет. Нужно осознавать, что ввиду глобализации, культурной интеграции, активного ускорения всех жизненных процессов данные нормы могут интенсивно меняться: то, что было неприемлемо вчера, вполне допустимо сегодня. Современный российский шоу-бизнес — явный тому пример. Сейчас нормы морали и нравственности не институциональны и не имеют сколько-нибудь четкой кодификации, чтобы регулироваться нормами права.

¹¹ Николай Некрасов. «Нравственный человек». Дата обращения 22 июля, 2021. <https://ilibrary.ru/text/1107/p.1/index.html>.

Во-вторых, в формулировке новеллы представляется крайне размытым элемент «иная». В словарях русского языка слово «иной» означает «другой, не тот, не такой, отличающийся от этого (или от прежнего)» (Евгеньева 1999). Практика показывает, что унижение чести и достоинства по-прежнему чаще всего происходит посредством вербализации. Так, Верховный Суд РФ совместно с кассационными судами общей юрисдикции провел мониторинг практики применения положений Федерального закона от 30.12.2020 № 513-ФЗ «О внесении изменений в КоАП РФ». В итоговом обзоре внимание судей обращается на четыре момента, два из которых посвящены такому аспекту, как форма передачи оскорбительного содержания (SMS, голосовые сообщения, приватные сообщения в социальных сетях, сообщения в социальных сетях открытого доступа и т. д.), третий указывает на возможную малозначительность деяния, четвертый определяет возможность быть оскорбленными при одном оскорбительном действии сразу нескольких лиц. Однако во всех этих случаях предметом рассмотрения остается речевое действие, выраженное в неприличной языковой форме, т. е. с помощью нецензурных слов и выражений. Если же говорить о словах, не являющихся нецензурными, но обладающими свойством противоречить нормам морали, мы возвращаемся к вопросу о перечне норм морали — корпус русского языка практически безграничен, а нормы морали достаточно условны. Пока не будет решена эта сложность, смысла в новелле нет, поскольку она приводит лишь к многозначности и максимально расширительному прочтению нормы.

Невербальная коммуникация в этом отношении более конкретна, однако может в перспективе увести эксперта-лингвиста за пределы его компетенции хотя бы потому, что, помимо собственно устного или письменного слова, в нее могут входить картинка, смайл, жест, взгляд, т. е. нечто невербальное. Оценивая их с точки зрения оскорбительности, эксперт всегда может сослаться на знания из области паралингвистики, но достаточно ли их в сфере межкультурной коммуникации? Одно дело, когда речь идет, например, о распространенных на мировом уровне жестах, в частности демонстрации среднего пальца руки (при прижатых других пальцах к ладони) в адрес кого-либо. Здесь, как нам кажется, лингвист-эксперт вполне может в пределах своей компетенции указать на то, что этот жест является аналогом вербального «f**k you» в англоязычных странах, имитирует мужской половой орган и означает грубое предложение адресату этим органом воспользоваться, а значит, по иллокутивной функции данный жест приравнивается к ненормативной лексике. Другое дело, когда формы выражения мысли имеют сугубо национальную, этническую, религиозную или художественную специфику. Например, поднятый вверх большой палец, с точки зрения носителя русского языка, означает 'все хорошо', тогда как в странах Ближнего Востока, Западной Африки и Южной Америки это крайне непристойный жест¹². Полагаем, что в этом случае нельзя будет обойтись без помощи специалиста в области культурологии, т. е. потребуются комплексное заключение.

Подведем предварительные итоги. Авторы рассматриваемой новеллы указали в качестве обоснования поправок «цели совершенствования законодательства в сфере защиты чести и достоинства граждан». Вместе с тем на данный законопро-

¹² «Жестовая коммуникация». *Энциклопедия «Кругосвет»: универсальная научно-популярная энциклопедия*. Дата обращения 22 июля, 2021. https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/zhestovaya_kommunikatsiya.html.

ект поступил отзыв от имени заместителя Председателя Правительства РФ Д. Григоренко, в котором в числе прочего было указано, что «предлагаемое дополнение ч. 1 ст. 5.61 КоАП после слов “в неприличной” словами “или иной унижительной, оскорбляющей общественную нравственность” имеет неопределенный, оценочный характер и представляется избыточным, поскольку является конкретизацией признака “неприличная форма”»¹³. Однако поправки были приняты без учета этого замечания, хотя, как показывает судебная практика, состав правонарушения «Оскорбление» по-прежнему рассматривается как унижение чести и достоинства, только выраженное в неприличной форме

3. Выводы

Анализ практики судебно-лингвистической экспертной деятельности и комментирования ст. 5.61 КоАП РФ показал, что лингвистическая экспертиза является основным видом судебных экспертиз по делам о речевых правонарушениях, а содержащиеся в тексте ст. 5.61 КоАП РФ термины «оценка личности» и «неприличная форма» законодательно не раскрыты, ввиду различных лингвистических подходов остаются дискуссионными и представляют сложность для однозначных выводов эксперта.

Законодатель должен четко определить понятийное содержание всех составляющих объективной стороны правонарушений, связанных с оскорблением личности, в то же время профессиональные эксперты-лингвисты должны выработать единое понимание и общую стратегию в решении указанных проблем.

Что касается конкретных выводов относительно ключевых признаков, определяющих диспозицию ст. 5.61 КоАП РФ, то под негативной информацией о лице мы предлагаем понимать только такие слова и выражения, которые приписывают адресату осуждаемые общественной моралью и противоречащие закону действия, а также отрицательные характеристики и качества. Под неприличной формой подразумевается наличие только таких адресных непристойных (нецензурных) слов и выражений, которые означают обобщенную отрицательную оценку личности. При этом крайне важно учитывать весь контекст высказывания, в том числе самую конфликтную ситуацию.

Полагаем, что новелла статьи, а именно формулировка «иная противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности форма», избыточна, создает опасность для произвольного расширительного толкования данной нормы и вынесения таких же произвольных судебных решений по делам об оскорблении и должна быть исключена из содержания рассматриваемой правовой нормы.

Библиография

Акинина, Анастасия. 2020а. «“Иди на х...!”: оскорбление или нет?». *Лингэксперт. Лингвистические экспертизы для бизнеса и частных лиц*. Дата обращения 24 июля, 2021. <https://akinina-lingexpert.ru/idi-na-h-oskorblenie-ili-net>.

¹³ Официальный отзыв на проект Федерального закона «О внесении изменений в КоАП РФ» в части совершенствования законодательства в сфере защиты чести и достоинства граждан», внесенный в Государственную Думу депутатом Государственной Думы А. Е. Хинштейном от 30.04.2020. Дата обращения 22 июля, 2021. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/954048-7>.

- Акинина, Анастасия. 2020b. «Иди на х...!»: оскорбление или нет?». *Правдоруб: профессиональное сообщество юристов и адвокатов*. Дата обращения 24 июля, 2021. <https://user239811.pravorub.ru/personal/95184.html>.
- Баранов, Анатолий Н. 2007. *Лингвистическая экспертиза текста. Теория и практика*. М.: Флинта; Наука.
- Бельчиков, Юлий А., Михаил В. Горбаневский, Игорь В. Жарков. 2010. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сб. материалов*. М.: Ин-формкнига.
- Галяшина, Елена И. 2020. *Судебное речеведение*. М.: Норма.
- Горбаневский, Михаил В., ред. 2006. *Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический мир.
- Евгеньева, Анастасия П., ред. 1999. *Словарь русского языка*. В 4 т., 4-е изд. М.: Русский язык; Полиграфресурсы. Дата обращения 24 июля, 2021. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma166834.htm?cmd=0&istext=1>.
- Изотова, Тамара М., Виталий О. Кузнецов, Анна М. Плотникова. 2016. *Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении*. М.: Российский федеральный центр судебной экспертизы.
- Ильясов, Фархад Н., ред. 1994. *Русский мат (Антология)*. М.: Издательский дом Лада М. Дата обращения 24 июля, 2021. <https://facetia.ru/node/4349>.
- Стернин, Иосиф А., Любовь Г. Антонова, Дмитрий Л. Карпов, Марина В. Шаманова. 2013a. *Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста*. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
- Стернин, Иосиф А., Любовь Г. Антонова, Дмитрий Л. Карпов, Марина В. Шаманова. 2013b. *Основные понятия лингво-криминалистической экспертизы*. Ярославль: Канцлер.
- Ярощук, Инна А., Наталья А. Жукова, Наталья И. Долженко. 2020. *Лингвистическая экспертиза*. Белгород: Белгородский государственный университет.

Статья поступила в редакцию 26 июля 2021 г.;
рекомендована к печати 28 октября 2022 г.

Контактная информация:

Ахунзянова Фариды Тагировны — канд. культурологии, доц.; farida.ahunzyano@mail.ru

Actual practice of linguist expert within the speech offenses: Relevance and problems

F. T. Akhunzianova

Kostroma State University,
17, ul. Dzerzhinskogo, Kostroma, 156005, Russian Federation

For citation: Akhunzianova, Farida T. 2023. "Actual practice of linguist expert within the speech offenses: Relevance and problems". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 254–265. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.116> (In Russian)

This article raises the problem of the uncertainty of legal norms related to speech offenses, which can be traced, in particular, in Art. 5.61 "Insult" of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in relation to the concepts of a generalized negative assessment and indecent form of expression. The author believes that the adoption of a new wording of the plot of this article did not eliminate the existing uncertainty, on the contrary, new, even more uncertain elements led to the danger of an arbitrary broad interpretation of this legal norm and equally arbitrary judicial decisions in cases of insult. The article emphasizes that under such conditions, linguistic expertise becomes of particular importance as an important way to establish the essential signs of insult. However, despite the fact that, in relation to the le-

gal sphere, one can quite confidently speak of the already established institution of linguistic expertise, nevertheless, in cases involving personal insults, linguistic experts continue to face a number of problems. Difficulties are associated with the assessment of a particular word as subject to the disposition of an insult, with the definition of decency/indecentcy of a linguistic form of expression, with the inability to codify the norms of morality and morality, with the use of various linguistic approaches by experts, as a result of which many questions remain debatable. Examples of such situations are also given in the article. According to the author, the legislator should clearly define the conceptual content of all components of the objective side of offenses related to personal insult, at the same time, professional linguists should develop a common understanding and a common strategy in solving these problems. This article is an attempt to take a step in this direction.

Keywords: speech offenses, linguistic expertise, insult, personality assessment, indecent form of expression of personality assessment, profanity, other form of expression of personality assessment.

References

- Akinina, Anastasiia. 2020a. "Go to h...!": An insult or not?". *Lingekspert. Lingvisticheskie ekspertizy dlia biznesa i chastnykh lits*. Accessed July 24, 2021. <https://akinina-lingexpert.ru/idi-na-h-oskorblenie-ili-net>. (In Russian)
- Akinina, Anastasiia. 2020b. "Go to h...!": An insult or not?". *Pravdorub: professional'noe soobshchestvo iuristov i advokatov*. Accessed July 24, 2021. <https://user239811.pravdorub.ru/personal/95184.html>. (In Russian)
- Baranov, Anatolii N. 2007. *Linguistic examination of the text. Theory and practice*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Bel'chikov, Iulii A., Mikhail V. Gorbanevskii, Igor V. Zharkov. 2010. *Guidelines for linguistic expertise of disputable media texts. Collection of materials*. Moscow, Informkniga Publ. (In Russian)
- Evgenèva, Anastasiia P., ed. 1999. *Russian dictionary*. In 4 parts, 4th ed. Moscow, Russkii iazyk Publ.; Poligrafresursy Publ. Accessed July 24, 2021. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma166834.htm?cmd=0&tstext=1>. (In Russian)
- Galiashina, Elena I. 2020. *Forensic science of speech*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Gorbanevskii, Mikhail V. ed. 2006. *How to conduct a linguistic examination of a controversial text? Memo for judges, media, jurists, lawyers, prosecutors, investigators, investigators and experts*. 2nd ed., rev. and enlarged. Moscow, Iuridicheskii mir Publ. (In Russian)
- Iaroshchuk, Inna A., Natal'ia A. Zhukova, Natal'ia I. Dolzhenko. 2020. *Linguistic examination*. Belgorod, Belgorodskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Il'iasov, Farhad N., ed. 1994. *Russian swearing (Anthology)*. Moscow, Lada M Publ. Accessed July 24, 2021. <https://facetia.ru/node/4349>. (In Russian)
- Izotova, Tamara M., Vitalii O. Kuznetsov, Anna M. Plotnikova. 2016. *Forensic linguistic examination in cases of insult*. Moscow, Rossiiskii federal'nyi tsentr sudebnoi ekspertizy Publ. (In Russian)
- Sternin, Iosif A., Liubov' G. Antonova, Dmitrii L. Karpov, Marina V. Shamanova. 2013a. *Identification of signs of humiliation of honor, dignity, belittling of business reputation and insult in the linguistic examination of the text*. Yaroslavl, Yaroslavlskii gosudarstvennyi universitet im. P.G. Demidova Publ. (In Russian)
- Sternin, Iosif A., Liubov' G. Antonova, Dmitrii L. Karpov, Marina V. Shamanova. 2013b. *Basic concepts of linguo-forensic examination*. Yaroslavl, Kantsler Publ. (In Russian)

Received: July 26, 2021
Accepted: October 28, 2022

Author's information:

Farida T. Akhunzianova — PhD in Cultural Studies, Associate Professor; farida.ahunzyano@mail.ru